

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 21

1962

Лев ОШАНИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

РАЗДУМЬЯ

Лев ОШАНИН

РАЗДУМЬЯ

СТИХИ и ПЕСНИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1962

Лев ОШАНИН

Лев Иванович Ошанин родился 30 мая 1912 года в Рыбинске, Ярославской области, в семье юриста. Кончил семилетку в Москве. В 1930—1931 годах работал на Московском чугунолитейном и механическом заводе чернорабочим, потом токарем. В 1932—1935 годах был в Кировске, Мурманской области, директором клуба горняков, практикантом и помощником заведующего флотационным корпусом апатитовой фабрики, работником газеты «Кировский рабочий».

В 1936—1939 годах учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

Печататься начал в 1930 году. С 1937 года стал писать песни. Из песен наиболее популярны «Дороги», «Гимн демократической молодежи мира», «Гимн Международного союза студентов», «Ленин всегда с тобой», «Песня о тревожной молодости», «Веришь — не веришь» и другие.

Первый сборник стихов «Всегда в пути» («Молодая гвардия») и сборник песен в серии «Песни советских поэтов» (Музгиз) вышли в 1948 году. Затем изданы книги: «Дети разных народов», «Беспокойные сердца», «Тебе, мой друг», «Стихи о любви», «Так нам сердце велело», «Песня о тревожной молодости».

В соавторстве с Е. Успенской изданы и поставлены пьесы «Твое личное дело», «Я тебя найду».

Л. Ошанин — лауреат Государственной премии за стихи и песни к кинофильму «Юность мира».

Лев Иванович Ошанин

РАЗДУМЬЯ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 00100. Подписано к печати 31/V 1962 г. Тираж 150 000. Изд. № 1045.

Зак. 1142. Форм. бум. 70 × 108¹/₃₂, 0,5 бум. л.—1,37 печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

* * *

Есть много в жизни разных видов счастья,
Есть счастье мягко спать и вкусно есть,
Есть счастье славы
Или счастье власти —
Какие хочешь в жизни счастья есть.

Мне нужно все —

и девичьи запястья,
И добрый сон, и ласковый уют...
Но счастлив буду только трудным счастьем,
В котором дни летят, а не ползут,
В котором тесно от больших событий,
Дороги, смех шахтеров и ткачих,
И тысячи — пусть маленьких — открытий,
Что сделаны тобою для других.

1943—1958

* * *

Сколько лет, вагонных полок,
Зной, мороз и снова зной!..
Двух вчерашних комсомолок
Два лица передо мной.
На одеом неожиданно строго
Складка меж бровей легла,
Возле глаз морщинок много,
А улыбка, как была.

Но зато лицо второе
Встало вдруг передо мной
Непонятно молодое,
Без морщинки без одной,

Без морщинки, без улыбки,
Без упрека, без ошибки,
Без дерзаний, без желаний,
Даже без воспоминаний...
От него, зевая роняя,
Отвернулся я тотчас...

Что же ты, моя родная,
Вся в морщинках возле глаз?
Просто ты жила иначе,—
Как у нас заведено,
От людей глаза не пряча,
Радуюсь, смеясь и плача,
Если грустно и смешно.
И осталась гордой, ясной,
Все, что знаешь, не тая,
Пусть не юной, но прекрасной.
Здравствуй, молодость моя!

1958

* * *

Старинные друзья по комсомолу,—
В каком бы ни случилось быть краю,
Я по морщинкам радости веселым
Былых друзей тотчас же узнаю.
Тот, слесарек, теперь в директорах,
А тот — профессор неучам на страх...
А тот, кузнец, всю жизнь в одном цеху:
Заданье дай — и подкует блоху.
А этот — мастер плавок небывалых,
Не говоря уже о генералах!
Что ж, возраст наш такой — ему пора,—
Директорский, полковничий, умелый.
А если ты не вышел в мастера,
Так что ж тогда ты четверть века делал!

1958

ДРУГ

Б. Семенову

Есть друг у меня. Чудак человек.
Он часто неуловим.
За тридевять гор и тридевять рек
Мы вечно бываем с ним.

Мы разное делаем на земле
Под солнцем и под огнем,
И редко стоят на одном столе
Наши стаканы с вином.
Пришлет телеграмму он раз в году —
Писать не доходит рука.
Но если он скажет: «Приди», — приду
Из тридевять далека.
Пространству сердца не удержать,
Снегам не засыпать путь.
Что нам надо? Руку пожать,
В глаза друг другу взглянуть.
И если ошибка в судьбе твоей —
За пять минут по часам,
Даже не рассказав о ней,
Ты догадаешься сам.
Дружить — это слышать сердца стук.
Он совесть моя, мой друг,
Хоть разное делаем мы на земле
Под солнцем и под огнем,
И редко стоят на одном столе
Наши стаканы с вином.

1947

БАЛЛАДА О НЕНАСТНОЙ НОЧИ

1

Три случайных соседа, в ненастную тьму
Собрались мы в пустом придорожном дому.
Три дороги в ночи привели нас сюда.
Тот, кто первым вошел, —

за столом тамада.

Три походные кружки стоят на краю.
Тамада наш берется за флягу свою.
Ради легкой дороги и легких страстей
Он ушел от жены, он оставил детей.
Проходил он, волнениям и горестям чужд,
Мимо взорванных стен, мимо раненых душ.
Только счастье судьбою ему не дано.
Вот он льет в наши кружки лихое вино.
Тост готов уже кружки

поднять нам помочь:

— За тепло и уют в непогожую ночь!

Но к губам донести не успели мы рук,
Троекратный в окошко послышался стук.
Стук короткий и властный в оконный косяк.
Заплутавший прохожий стучится не так.
Если это хозяин, что не был давно,
Дверь открыта и он не пойдет под окно.
Да и вряд ли хозяин сейчас не в дому
В эту грозную, волчью, ненастную тьму.
Кружки стукнули в стол из опущенных рук,
Троекратный в окно повторяется стук.
Снова вздрогнули мы и взглянули туда.
— Как, вы слышали тоже? — спросил тамада.
И сказал из дверей, не взглянув на вино:
— Это совесть моя к нам стучится в окно.

2

Два случайных соседа, в ненастную тьму
Мы вдвоем за столом в придорожном дому.
Видно, молод годами, но грустен и сед
Мой случайный знакомый, второй мой сосед.
Был он верен и чист, был он весел и смел.
Отыскать свое счастье он в жизни сумел.
За него своей кровью огонь заливал,
От свинца своим телом его закрывал.
И жестокая боль не смолкает в крови
О погибшей, пропавшей навеки любви.
В придорожном дому мы сидим с ним вдвоем,
Я зову его братом за братским столом.
Тост готов уже кружки поднять нам помочь:
— За тепло и уют в непогожую ночь!
Но внезапно, разрушив неверный покой,
Под окном леденящий послышался вой.
То ли волк, то ли ветер в безумной гульбе,
То ли там под окном, то ли рядом в трубе.
Все тоскливей, все выше, все горше и злей
Над моей головой, над судьбою моей.
Я вскочил, ослепляющей болью задет.
— Как! Вы слышите тоже? — воскликнул сосед.
— Не пугайтесь, — сказал он, — причуды ночной.
Это горе мое всюду ходит за мной.
Дверь открыл он наружу.
— Пора мне идти.
Легче мне в непогоду и легче в пути.

Я один за столом в придорожном доме.
Здесь тепло и надежно в ненастную тьму.
Хорошо, когда кружка вином налита,
Знать, что радость жива,
Знать, что совесть чиста,
Растопить потеплее веселую печь
Да на старый диван поудобней прилечь.
Но в груди беспокойство уснуть не дает,
В непогоду к ветрам мое сердце зовет.
Где-то там за окном —
лишь суметь бы дойти —
Дождидается счастье меня на пути.
Дверь рванул я наружу. С бескрайних дорог
Хлынул ветер и снег ворвался на порог.
Ночь то громом гремит, то свистит, как змея,
Крепнет буря — попутная песня моя.
— Эй! Друзья! Где бы ни были вы в этот час,
Как бы грозы ночные ни путали нас,
За любовь, что в дороге нам может помочь,
За отвагу в пути в непогожую ночь!

1948—1956

ВЕРСТЫ

(Песня)

Версты, версты
Необъятной Отчизны родной.
Версты, версты!..
Я вас все сосчитал по одной.
Здесь земля золотая цветет,
Здесь улыбки у каждого ворот,—
Где ж, скажите мне,
 версты,
Мое счастье живет?

Здравствуй, здравствуй,
Голос друга на звонком ветру!
Здравствуй, здравствуй,
Полустанок в вишневом цвету!
Я пройду мимо света в окне,
Может, выйдешь навстречу ко мне,

Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся, бригадир?
Угадал в ней что-нибудь такое,
Что закрыто для других людей?
Или, полный радостью другою,
Невзначай ты подшутил над ней?

А она могла бы быть красивой,
Только надо посмелей глядеть,
Не бежать от радости пугливо,
Понарядней кофточку надеть.
И была-то Зоя не такой.
Помнишь юность над родной рекой?
Зоя, зайка, зайнышка, зайчонок!
Был ли кто звончей среди девчонок!

Счастье пело над лесистой Камой
В сочных травах, в блеске снеговом.
Закружило и помчало замуж
В солнечном году сороковом.
Как ловил он каждый взгляд невесты,
Как хмелел от робких ласк жены!
Вася, Вася!..

Он погиб под Брестом
Хмурым летом в первый год войны.
Девочка еще наполовину,
Вся любовью полная живой,
В девятнадцать, в час рожденья сына,
Матерью ты стала и вдовой.
Так сломалась песня с полуслова
Сколько вас,

огнем обожжена,
Чуть не сразу из невест во вдовы
Записала горькая война!

В комнате, где все о нем шептало,
Сколько Зоя плакала сначала,
Недоцеловав, недолюбив!

Сколько лет, по-прежнему влюбленной,
Все ждала, не веря почтальону,
Все хранила думку, что он жив!
А когда однажды на закате
Поняла, что больше ждать нельзя,
Смастерила серенькое платье,
Потушила карие глаза.

А сынок растет, как яшень.

Можно

В материнстве обрести свой мир.
Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся, бригадир?

А быть может, угадаешь ты,
Что не встретишь сердца ты заветней.
До ее высокой красоты
Далеко иной двадцатилетней.

1954

ПАМЯТЬ

1

Свойство есть у памяти такое:
С детства радость помня наизусть,
Горе, даже самое большое,
Обращать в приглушенную грусть.
Как уйти от дорогой могилы?
Как забыть?

Уйми глухую дрожь:

Если горе сразу не свалило,
Значит, ты его переживешь.
Если б нам не помогала память,
Не гасила прошлое вдали,
Все пройдя, что пережито нами,
Мы бы жить, наверно, не смогли.

2

Только, кроме этой нашей, личной,
Есть другая память — точный счет,
Что крупницы жизни единичной
В поступь поколений соберет.
Это счет годов и счет столетий,
Это то, что вспомнят наши дети,
То, что в книгах правнук наш прочтет.
И, гордясь свершенными делами,
Видя наших вещей звезд огни,
Боль и кровь, что пережиты нами,
Не забудут никогда они.

1953

* * *

Ты улыбнешься, ты спросишь:

— Любишь?

А я скажу:

— Дорогая, ветер,
Который в губы из губ летал,
Тебе ответит. Тебе ответят
Ромашки, которые я собирал.
Рука, что руку тайком сжимала,
Глаза, которыми взгляд ловлю...

А если тебе и этого мало,
Я никогда не скажу: — Люблю.

1936

* * *

Ты мне сказала: — Нет.— Ну, что же,
Не провожай. Я не из тех,
Кто чей-то взгляд и чей-то смех
Из жизни вычеркнуть не сможет.

А ты глядела из ветвей
Лиловым пламенем сирени,
Ты белым пухом тополей
Ко мне садилась на колени.
Была ты утром первым светом,
Теплом в ночные холода,
Прохладой летом...

Но об этом
Ты не узнаешь никогда.

1956

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Почему зовут: медовый месяц?
В чем его такой уж сладкий мед?
В том, чтоб окна плотно занавесить
И не спать все ночи напролет?
Молодость пусть нá слово поверит,
Кто постарше, верно, знает сам,

Что одной закрытой этой двери
Для любви, конечно, мало нам.
Время — лучший тут судья и лекарь.
В самом деле, ты не позабудь,—
Об руку выходят в дальний путь
Два совсем несхожих человека.
Завтра утром выяснится вдруг,
Как различны вкусы и желанья.
С первой лаской милых губ и рук
Первое придет непониманье.
И не только будет в том оно,
Что она не так рубашку сложит,
Любит цвет не тот, не то кино...
Или он котлет терпеть не может.
Будь ты всех Ромео горячей,
В сан мужей ответственно вступая,
Ты пройдешь сквозь сотни мелочей,
Каждый миг ей в чем-то уступая.
Это радость — уступать, любя,
Но границу как и чем отметить?
В самом главном разронять себя —
Значит бледной тенью жить на свете.
Сколько будет пылких объяснений,
Первых женских слез, пустых обид!
Может быть, жена пальто наденет,
На денечек к маме убежит.
Ведь подружка, девочка твоя,
Пусть всего Толстого прочитает,
Все равно она еще не знает,
Что такое счастье и семья.
И какие б чувства ни владели,
Что она жена,
она поймет
Не назавтра, не на той неделе,
Может статься, где-то через год.
А ведь счастье строят не в пустыне —
Целый мир вокруг шумит живой.
Пусть горячность первой ласки схлынет,
Ты тогда оценишь выбор свой.

Вот ты говоришь: — Медовый месяц,—
Улыбаясь счастью своему.
Милый, глупый месяц ссор и песен.
Почему «медовый»? Не пойму.

1954

ВЕРИШЬ — НЕ ВЕРИШЬ...

(Песня)

Поезд, оставив дымок,
В дальние скрылся края,
Лишь промелькнул огонек,
Словно улыбка твоя.
Тех же акаций кусты,
Та же цепочка огней...
Только уехала ты —
Стало в поселке темней.
Веришь — не веришь,
Стало в поселке темней,
Год и полгода, считай,
Рядом с тобою я жил,
Мимо тебя невзначай
Сколько я раз проходил!
Мог говорить не спеша,
Думал, что просто знаком.
Понял, как ты хороша,
Только с последним звонком.
Веришь — не веришь,
Только с последним звонком.
Поезд, оставив дымок,
В дальние скрылся края,
Лишь промелькнул огонек,
Словно улыбка твоя.
Смотришь ты в даль за окном,
К новой готовясь судьбе.
Знай, что в поселке родном
Кто-то грустит о тебе...
Веришь — не веришь,
Кто-то грустит о тебе.

1954

* * *

Их было столько, ярких и блестящих,
Святящихся в пути передо мной,
Манящих смехом, радостью звенящих,
Прекрасных вечной прелестью земной...
А та была единственной любимой,
Совсем другой, была совсем другой,
Как стрелчатая веточка рябины
Над круглою и плоскою листвою.

1958

ДОЧЬ

Разутюжила платье и ленты. С платочком
К материнским духам... И шумит. И поет.
Ничего не поделаешь, выросла дочка —
Комсомольский значок и шестнадцатый год.
— Ты куда собралась? — я спросить ее вправе.
— Мама знает,— тряхнула она головой.
— Мама мамой. Но что ж ты со мною лукавишь?
Я ведь, девочка, тоже тебе не чужой!
А Татьяна краснеет. Вовек не забыть ей
То, о чем я сейчас так случайно спросил.
У девчонки сегодня большое событие:
Первый раз ее мальчик в театр пригласил.
Кто такой? Я смотрю мимо глаз ее на пол.
Парень славный и дельный. Но тихая грусть
Заполняет мне душу.

— Ты сердишься, папа?
— Что ты, дочка! Иди. Я совсем не сержусь.

Белый фартук нарядный надела она.
Звучно хлопнула дверь. Тишина.

Почему же так грустно? Что выросла Таня?
А ведь Танина мама, чей смех по весне
Так же звонок и светел, как в юности ранней,
Все порой еще девочкой кажется мне.
Долго тянется вечер — секунды заметней..
Я сижу, вспоминая сквозь тысячи дней,
Был ли бережен с тою, шестнадцатилетней,
С полудетскою, с первой любовью моей.

1953

СЫН

— Ты куришь?

— Видишь ли, отец, про это
Я не писал, чтоб не тревожить мать,—
Басит он, зажигая сигарету,
Стараясь ломкий голос не ломать.
Что ж, восемнадцать! Хожено немало
По скалам, по болотам и лесам.
И как могу я спорить с этим малым,
Когда я в девятнадцать начал сам!

Рюкзак что танкер. А в походной фляге...
Нет, просто чай — дорожное питье.
Ну, как там чайки, чистики и гаги?
Чок-получок — охотничье ружье!
Он достает набор флаконов узких,
Где сохраняют цвета чистоту
Коротенькие раки, и моллюски,
И раковины разные в спирту.
А чемодан — не каждый различает,
Но главные его богатства тут —
Двенадцать видов чистиков и чаек
Всем перышкам ученый счет ведут.

Как будто он
 в загадочном уборе
Пушистых перьев и смешных носов
Привез с собой из Баренцова моря
Все семь скалистых птичьих островов.
И, кажется,

 не скрылась четверть века.
Не я ли это, — может, правда, я, —
Как он, таким же мудрым человеком,
Опять спешу в те самые края?
Как это было, помнишь? В непогоду,
Размыв снега непуганой земли,
Мы, опоздав к семнадцатому году,
В пустыни революцию несли.
И только знал поменьше я сначала,
И только был еще худей карман,
И только вместо чаек минералы
Переполюняли тесный чемодан.

...И вдруг от этих тупиков¹ сутулых,
Подстреленных над ледяной водой,
Таким теплом хорошим потянуло,
Такой завидной силой молодой, —
Пусть малый на язык не слишком боек,
Он стал мужчиной.

 А далек ли миг,
Когда с букетом черных жирных двоек
Он в пятом классе мне совал дневник?
Что ж, он на сухарях или консервах,
В снегу, в пыли, в песке или в дыму.

¹ Род морских птиц.

Коль вновь случится встретить сорок первый,
Отчизну не уступит никому.
И на пути его не запугает
Ни вечный снег, ни полугодье тьмы.
А он молчит, хитрец, и что-то знает,
Чего еще тогда не знали мы.
И снова будут баренцовы бури,
И сполохи, и споры до зари.
А я, чудак, зачем-то брови хмрюю:
— Сережка, знаешь, лучше не кури!

1957

* * *

Я хочу ходить по свету пешком,
Мчаться по дорогам ледяным,
Быть в лесу веселым синим лешим,
Быть в реке зеленым водяным.

И уж если люди поручили,
Жизнь прожить бы так хотелось мне,
Чтобы все, чему меня учили,
Неприменно воротить вдвойне.

1958

ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

Забота у нас простая,
Забота наша такая —
Жила бы страна родная,
И нету других забот!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Пускай нам с тобой обоим
Бедя грозит за бедою,
Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрет...

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!

И так же, как в жизни каждый,
Любовь ты встретишь однажды,—
С тобою, как ты отважна,
Сквозь бури она пойдет...

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгребели.
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

1958

КИПРЕЙ

От цветов сердца добрее —
Так ведется на веку.
И не зря цветок кипрея
По душе сибиряку.
Мы идем тропой таежной,
А вокруг нее цветы
Непонятной, невозможной,
Двухметровой красоты.
В них, мохнаты, как медведи,
Вьются пчелы на виду.
Если всадник здесь проедет,
Сапоги его в меду.
И осанисто, неспешно
Сам Шалагин нас ведет —
Сын тайги, таежный леший,
Красноярский пчеловод.

Сядь, Шалагин, возле хаты,
Медовухи нам налей.
Расскажи, как брал сохатых,
Росомах да соболей.

Капля меда, словно жемчуг...
Помолчал он неспроста.
— Вот хочу уйти на Кемчуг
За леса и болотá.—
С хитрой искоркой во взоре
Поднимает он стакан:
— Если тут кипрея море,
Там кипрея океан,
А кругом кедровок крики,
Только сосны и снега,
Только радио и книги,
Только пчелы и тайга.

Не расскажешь на бумаге
Обо всем, чем он живет.
До свиданья, друг Шалагин,
Красноярский пчеловод!
Никогда не знал я прежде,
Как мне станет дорога
Комариная, медвежья,
Медоносная тайга.

1958

ПОЧЕМУ ОН ПОШЕЛ В ВЕРХОЛАЗЫ

Почему он пошел в верхолазы,
Красноярский мой новый дружок?
Не сорвался, не дрогнул ни разу,
Как бы ветер таежный ни жег?
Оттого ли, что, выгрузив книжки.
Снарядившись в поход до зубов,
По субботам уходят мальчишки
В пестрый мир красноярских Столбов?
А Столбы величавы и хмуры,—
То обломки, то глыбины скал,
Их, как будто людские фигуры,
Великан по тайге разбросал.

Там, к себе проникаясь доверьем,
Заполошный школярский народ
Залезает на «Деда», на «Перья»,
На развалины «Львиных ворот».

Широченные носят штанины,
На коленки квадраты нашив.
В красных фесках и в шляпах старинных —
Каждый думает: он-то красив.
Пусть костюмы у них озорные —
Перья к шляпам откуда в тайге?
Пусть у них талисманы смешные —
По одной непонятной серье.
Но на скалах, где ветер их сушит,
На стоянках под кровом камней
Созревают мальчишечьи души,
Становясь с каждым часом сильней.

Любят петь на Столбах, хоть и странно,
Что российскую песню свою
Доверяют они не баяну,
Не гармошке, как в нашем краю,—
Нет, сюда, по традиции старой,
Согревая напев на кострах,
Чуть не каждый приходит с гитарой,
Как в далеких испанских горах.

Где б еще так мечталось и пелось,
Так рождались слова на губах?

Мне бы снова в мальчишки хотелось,
Чтобы жизнь начинать на Столбах.

1958

МОСТ ЧЕРЕЗ МАНУ

Знал я женщину
с трудной и странной душой,
Называть ее имя не стану...
Да к тому ж разговор я задумал другой,—
Чтоб в пути не застрять перед Маной-рекой,
Мостопоезд четыреста сорок второй
Строит мост, строит мост через Ману.
Говорят, что у Маны широкий размах,
Что она родилась на Саянских горах.
А она, эта Мана, ползет ручейком
Так спокойно, так тихо, так ровно,
Словно вся и работа ее только в том,
Чтоб лизать неподвижные бревна.

Вы видали, как строится мост? Как вперед
Нижний пояс выносится с ходу?
И висит над рекой чуть не целый пролет,
Почему-то не падая в воду.
И гремит молоток, словно занят игрой,
И опять надо двигаться крану,—
Мостопоезд четыреста сорок второй
Строит мост, строит мост через Ману.

Ну, а Мана? Я сверху на Ману гляжу,
Только след ее малый внизу нахожу.
Право, жалко труда, жалко клепки стальной.
Жалко рук, что напрасно устанут.
Усмехнулся прораб:

— Приезжайте весной,
Вот тогда вы узнаете Ману,

Знал я женщину...
Впрочем, я молча смотрю —
Все мне в речке саянской понятно.
Если б так же любовь, обмелев к сентябрю,
Возвращалась весною обратно!

1959

ТАЕЖНАЯ БАЛЛАДА

К костру старика подошел молодой
С глазами, наполненными бедой.
И на землю, сдвинув с плеча ремешок,
Швырнул горностаевых шкурок мешок.
Вокруг лишь кедровок простуженный крик.
«Однако добытчик!» — подумал старик.
Подвинув к нему подоспевший кулеш,
Сказал молодому: — Однако поешь.
Лишь ветер сбегал по ветвям сосняка,
Лишь ложка гремела о край котелка.
— Добро! — Молодой сунул ложку в сапог.—
Изрядно зажился ты, старый пенек!
Но, может быть, снова к тебе я приду,
Еще ты умеешь готовить еду! —
Безжалостным смехом зайдясь молодым,
Куражась, блеснул он зубами сквозь дым.

И вдруг его каменная рука
Схватила и сжала плечо старика.
— Послушай, с чего б это: в чаще лесной
Глаза неотступные ходят за мной?
Сквозь ветви, сквозь хвою и ночью и днем
Я чувствую их на загривке своем.
С чего это? —

Руку убрал он с плеча...
Старик не спеша подложил кедрача.
Когда языки огневые взвились,
Ответил негромко старик: — Это рысь.—
И, зная, как тропка ночная хитра,
Вздохнул он:

— Однако поспи у костра.
Юнец не ответил. Он встал, и зевнул,
И прочь от костра в темное лесье шагнул.
Старик повернул за ним следом лицо,
Услышал, как тяжело ложатся шаги,
Подумал:

«Однако боится тайги»,—
И встал неторопко и взял ружьецо.
Бесшумно, как в воду, нырнул он в тайгу,
Стал стройным на быстром и легком шагу.
Была ему каждая тропка своя,
Он сам был, как лес, как сосна, как хвоя.
Затихнув, услышал он шорох в кустах,—
Там зверь, его злоба сильнее, чем страх.
А тень молодого качалась вдали,
Сливаясь с тенями стволов и земли.
Зверь замер. Сейчас он сорвется во тьму,
Навстречу добыче, на плечи к тому.
Зверь прыгнул. Но в злобе слепого прыжка
Был срезан коротким огнем старика.
И, ставший тяжелым, ломая кусты,
Он рухнул беззвучно за край темноты,
Юнец постоял, подтянул ремешок,
Надев поудобней тяжелый мешок.
И двинулся дальше, тихонько ворча,
Что лучше б старик не жалел кедрача,
Что лучше бы спал, привалившись к кусту,
Чем попусту ночью стрелять в темноту,

1960

ГДЕ ЖЕ ТЫ, ДРУГ...

(Песня)

Где же ты, друг, где же ты, брат?
Мне все кажется: снова
над нами с тобою
таежные кедры горят...

Много ночей, душевных ночей
Мне все снятся
любимые брови девчонки,
что стала женою твоей.

В диком краю, в нашем краю
Мы построили город
и людям на память
оставили юность свою.

Пусть не вернуть, пусть не обнять!..
Только я ни о чем,
ни о чем не жалею
и все повторил бы опять.

Где же ты, брат, где же ты, друг?
Никогда не забудем
мы кедров таежных,
шершавых мальчишеских рук.

1961

* * *

Есть покладистые люди,
Нераздумчивый народ,
Как им скажут, так и будет,
Все исполнят в свой черед.
Много есть из них достойных,
Только я люблю не их,
А шерстистых, беспокойных,
Самобытных, волевых.
Все, что знают, знают сами.
Решено, так решено.
Все, что сказано словами,
Все обдумано давно.

Хочешь — ставь его министром,
Хочешь — мастером пошли,
Будет тем же коммунистом
Он в любом краю земли.
Будет жить он без уступки,
Не идя на поводу.
Все решенья, все поступки,
Все ошибки на виду.

А чтоб жизнь не заносила,
Жесткой правды не тая,
Есть одна на свете сила —
Это Партия моя.
Перед ней смилив гордыню,
Как мальчишка, вдруг смущен,—
И слова горчей полыни
Сердцем будет слушать он.
Беззаветный, твердоглазый,
Крепкорукий человек,
Может, что поймет не сразу,
Но зато поймет навек.

1958

* * *

Сам с собой оставшись в час полночный,
Не уйдешь от этих строгих слов,
Неподкупных слов, скупых и точных:
— А для коммунизма ты готов?

Как мы жить с тобою дальше будем,
Слабости веселые любя?
Говоря о коммунизме людям,
Друг мой, брат мой, начинай с себя.

1959

* * *

Сегодня снова был я простодушен.
Знакомый мой, таинственно маня,
Сочувствуя, пошел шептать мне в уши
Об очень неприятном для меня.

«Какое свинство! — пел он, горячася.—
Как невезуча, брат, твоя планета!»
Простились мы. А ровно через час
Я вдруг узнал, что он подстроил это,
Что он, глядевший честными глазами,
Оклеветал меня перед друзьями.

Я все никак привыкнуть не могу,
Что только сорок весен торопливых,
Как мы живем на новом берегу.
Еще проклятое наследье живо!
...А я-то, я его по-человечьи
Благодарил и руку тряс рукой...
Как провести веселый этот вечер?
Грустить над ним? Смеяться над собой?

1958

* * *

С. Васильеву

Мы с соседом живем не худо.
В этом нет никакого чуда.
Хоть покажется, может, людям,
Что друг друга мы мало любим.
Не целуемся мы при встрече
И не сахарим наши речи.
Порознь мы утоляем жажду
И заходим друг к другу в гости
Раз в году или, может, дважды...
Но в кармане не прячем злости,
Глаз не тычем к дыркам в заборе,
Зависть наших сердец не гложет.
Знает он, что в беде иль в горе
На меня положить может.
И, к стене прислонясь спиною,
Знаю я, что друг за стеною.
Оба сверстники мы, седые,
Оба выросли мы в России.

1958

* * *

Огоньки от звезды проплывают к звезде.
Так на Волге плывут огоньки по воде.
Так в степи, пропадая потом без следа,
Огоньками сверкая, бегут поезда.

Все, как прежде,— и степи и веточки рек.
Просто на небе светится нынешний век.
Просто движутся люди от нас или к нам
По своим человеческим добрым делам.

1959

* * *

Гляди: желтеют листья хмеля...
Постой, возможно ли, когда
Всего лишь только две недели,
Как взобрались они сюда?
Земля бедна иль мало света?
Иль корень бит бедой иной?
Гляжу я,— сам, как ветка эта,
Охвачен ранней сединой.
Да, и земля тут небогата,
И не по корню куст высок,
И ветер, ветер бесноватый
Сушил, должно быть, в листьях сок.
Да, в детстве голод... Буря в очи,
Дороги, версты — путь кремнист...

...А впрочем,
 посмотри, как прочен,
Как крепок пожелтевший лист!

1959

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИКЕ И МУЖЧИНЕ

Вас трое, вас трое в мире всего,
И все за одним столом.
Так, как ты ненавидишь его,
Тишину ненавидит гром.

Так река не выносит сухой травы,
Так солнце не терпит снег.
Рядом трое молчите вы —
Ты, она и тот человек.
Ты глядишь на него: зачем он пришел,
Словно вынырнул из реки?
Тот сидит, кулаки опустив на стол,
Тяжело опустив кулаки.
А она? Ты смотришь ей в глаза,
Ты заглядываешь ей в лицо.
А она отводит глаза,
А она опускает лицо.
Лицо, которое любишь ты,
Как холод трубы трубач,
Как ночь звезду, как пчела цветы,
Как рука волейбольный мяч.
Ее худенький голос стал хриловат:
— Вот двенадцать часов пробьет,—
Хоть никто тут не виноват,
Так нельзя, пусть один уйдет.
Ты с ней в школе бегал еще на каток
И по тропам окрестных лесов.
Кто такой тот, другой? Ты упрям и жесток.
Бьют часы двенадцать часов.
Пока они только начали бить,
Время есть еще все спасти.
Ты успеешь поцеловать, убить
Или просто встать и уйти.
Вы сидите оба в пальто,
Словно гири на чашах весов.
Не решился ты ни на что.
Бьют часы двенадцать часов.
Тот, другой, собрал кулаки со стола
И засунул в пальто на ходу.
Обернулся у двери, хмур добела:
— Пусть сидит. Я завтра приду.
Он ушел. Ты один с ней рядом теперь,—
Значит, счастье будет твоим.
Но что это? Слышишь,
хлопнула дверь.
Это она бежит за ним.

1961

ПЕСНЯ ВЕЧЕРНИХ СТУДЕНТОВ

Пусть порой мы запальчивы,
Только знайте одно:
Мы не девочки — мальчики,
Нам за двадцать давно.
Перед всеми дорогами,
Как начало начал,
Мы руками потрогали
Неостывший металл.

Мы студенты вечерние,
Нам труднее — и пусть!
Но свое назначение
Знаем мы наизусть.
Пусть живем тесновато мы,
Небсгато притом, —
Мы, как мирные атомы,
Развернемся потом.

Наше завтра нам светится,
Кличет дружба в полет.
И любовь-привередница
Мимо нас не пройдет.
Скоро будем мы брошены
По далеким местам.
Мы ребята хорошие,
Нас полюбят и там.

1961

* * *

Если сердце любимой ослепло,
Друг не понял твой голос живой,
Если сделался горсточкой пепла
Несвершившийся замысел твой,
Не горюй, так бывает и с небом...
Видишь, вновь не в ладу с декабрем,
Все, что было задумано снегом,
Все упало на землю дождем.

1960

ТЫ ЖДЕШЬ ЛЮБВИ...

1

Ты ждешь любви всем существом своим.
А ждать-то каково? Ведь ты — живая.
И ты идешь с чужим, недорогим,
Тоску свою любовью называя.

Один не тот. Потом другой не тот.
Оглянешься, а сердце-то остыло.
Когда ж в толпе единственный мелькнет,
Его окликнуть не достанет силы.

2

Не шала с любовью, не балуя,
От живого чувства не беги.
Береги, девчонка, поцелуй,
Да смотри — не перебереги!
А не то, с ноги поднявшись левой,
Щуря потускневшие зрачки,
Вдруг проснешься нудной старой девой,
Полной злобы к людям и тоски.

1959—1960

ДВЕ УЛЫБКИ

(Песня)

Две улыбки, две души,
Две души в лесной глуши...
Знаешь, ночка, не кончайся
И к рассвету не спеши!

У луны зеленый глаз,
Хоть бы он скорей погас!..
Почему-то очень страшно
Целоваться в первый раз.

Десять классов позади,
Две косички на груди...
Разве можно знать заранее,
Как все будет впереди?..

Две улыбки, две души,
Две души в лесной глуши.
Знаешь, ночка, не кончайся
И к рассвету не спеши!

1961

В СТАРОМ ЛУВРЕ

В старом Лувре мы пришли к богиням.
Не навек, мы скоро их покинем.
Распростимся с Никой запыленной,
С Джококондой под броней зеленой.
А они останутся, как были,
Будут думать, что мы их забыли,
Черта с два!

Пощады не давая,
Ночью, где-нибудь на Енисее
Вдруг она настигнет, как живая,
Хищною усмешкою своею.

Надо бы любому пионеру
Лично знать и Нику и Венеру.
Одержимый думами благими,
Выбирай себе свою богиню!
Рождена Давидом иль Роденом,
В радости пусть светит и в беде нам,
Или манит ленточкой пунцовой,
Васильком, Аленкой Васнецовой,
Или вдруг неожиданным плеском красок,
Керамическим быком Пикассо.

Только помни, что с годами боги
Могут стать горбаты и убоги.
Божество ищи тогда иное —
Милое, веселое, земное.
С теплым сердцем, добрыми руками,
С тоненькими злыми каблучками.
Но не путай ласки быстройтечной
С красотой нетленной и вечной.
С той, что в Лувре или в Эрмитаже
Ждет тебя все та же и не та же.
Пусть, навстречу душу поднимая,
С ней сольется красота земная.

1961

ЭТО НИЧЕГО

(Песня)

Мы с тобою писем ждем крылатых,
Вспоминаем девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко теперь ушли от дома.

Тишины в сраженьях мы не ищем
И не просим отдыха на марше.
Это ничего, что мы, дружище,
За войну с тобою стали старше.

Будет снова небо голубое,
Будут снова в парках карусели...
Это ничего, что мы с тобою
До войны жениться не успели.

1944

* * *

Ветка крупного жасмина
Забралась в мое окно.
Я читал об этом в книжках,
Да и то уже давно.
Утром встану, сонно гляну,
Ветку белую достану...
Хоть сажал его я сам,
Человеку городскому,
Не шагнув еще из дому,
Странно мне к полям, к лесам,
К добрым грозам, к небесам
Быть так близко... А глазам
Видеть точно и подробно...
Просто неправдоподобно!

Ветка легкого жасмина
Наклонилась над столом.
Взглянешь снизу —
эта ветка
Прямо в небе голубом.
В ней, как в песне над рекою,
Столько мира и покоя...

А моя людская участь —
Жить, борясь, любя и мучась.
Слыша горе, радость видя,
Жить, гордясь и ненавидя.

На планете жить суровой,
Плыть от бури к буре новой.
В небе птицей, в море рыбой...
Быть всю жизнь седым мальчишкой...

...Ветка белая, спасибо,
За минуты передышки!

1958

СОДЕРЖАНИЕ

«Есть много в жизни разных видов счастья...» . . .	3
«Сколько лет, вагонных полок...»	3
«Старинные друзья по комсомолу...»	4
Друг	4
Баллада о ненастной ночи	5
Версты (песня)	7
Зоя Павловна	8
Память	10
«Ты улыбнешься, ты спросишь...»	11
«Ты мне сказала: — Нет.— Ну, что же...»	11
Медовый месяц	11
Верить — не верить... (песня)	13
«Их было столько, ярких и блестящих...»	13
Дочь	14
Сын	14
«Я хочу ходить по свету пешком...»	16
Песня о тревожной молодости	16
Кипрей	17
Почему он пошел в верхолазы	18
Мост через Ману	19
Таежная баллада	20
Где же ты, друг... (песня)	22
«Есть покладистые люди...»	22
«Сам с собой оставшись в час полночный...»	23
«Сегодня снова был я просто душен...»	23
«Мы с соседом живем не худо...»	24
«Огоньки от звезды проплывают к звезде...»	25
«Гляди: желтеют листья хмеля...»	25
Баллада о мальчике и мужчине	25
Песня вечерних студентов	27
«Если сердце любимой ослепло...»	27
Ты ждешь любви...	28
Две улыбки (песня)	28
В старом Лувре	29
Это ничего (песня)	30
«Ветка крупного жасмина...»	30

**ПРОДАЮТСЯ КНИГИ
ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ И КРИТИКЕ,
выпущенные**

ГОСЛИТИЗДАТОМ

БЕЛИНСКИЙ В. Эстетика и литературная критика в 2 томах. 1959. Том I. 704 стр. Цена 1 р. 36 к. Том II. 784 стр. Цена 1 р. 50 к.

ВОРОВСКИЙ В. Литературно-критические статьи. 1956. 478 стр. Цена 1 р. 18 к.

И. А. Гончаров в русской критике. Сборник. 1958. 360 стр. Цена 64 коп.

ГОНЧАРОВ И. Мильон терзаний. 1956. 46 стр. Цена 6 коп.

ДОБРОЛЮБОВ Н. Что такое обломовщина. 1956. 47 стр. Цена 7 коп.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. Статьи о литературе. 1957. 736 стр. Цена 1 р. 15 к.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. Статьи о Чернышевском. 1958. 120 стр. Цена 14 коп.

К. Маркс и Ф. Энгельс о литературе. 1958. 320 стр. Цена 49 коп.

ПИСАРЕВ Д. Базаров. 1953. 60 стр. Цена 8 коп.

ТОЛСТОЙ Л. О литературе. 1955. 764 стр. Цена 1 р. 16 к.

ЦЕТКИН К. О литературе и искусстве. 1958. 132 стр. Цена 28 коп.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Эстетика. 1958. 374 стр. Цена 66 коп.

Эту литературу можно приобрести в магазинах книго-торга и потребительской кооперации. В случае отсутствия книг заказы направляйте по адресу: **Москва, В-71, Ленинский проспект, 15. «Союзкнига», отдел художественной литературы.**

«СОЮЗКНИГА»